

АРИСТЕЙ

ARISTEAS • VOL. XVII • MMXVIII • MOSQVAE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ



Университет Дмитрия Пожарского

17

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Журнал реферируется Российским индексом научного цитирования (РИНЦ)

Международный редакционный совет:

А. Аврам (университет Ле Мана, Франция), М. фон Альбрехт (Гейдельбергский университет, Германия), Н.В. Брагинская (НИУ ВШЭ, Москва), С. Браунд (Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада), А.Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ, Москва), А.В. Коптев (университет Тампере, Финляндия), А.Е. Кузнецов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), К.Г. Красухин (ИЯ РАН, Москва), В.Ф. Новодранова (МГМСУ им. А.И. Евдокимова, Москва), С.Ю. Сапрыкин (МГУ им. М.В. Ломоносова, ИВИ РАН, Москва), О.В. Сидорович (НИУ ВШЭ, Москва), И.Е. Суриков (ИВИ РАН, Москва), М. Финкельберг (Тель-Авивский университет, Израиль), Г.Р. Цецхладзе (Оксфордский университет, Великобритания), Ю.А. Шичалин (ПСТГУ, Москва)

International editorial council

Alexandru Avram (Le Mans Université, France), Michael von Albrecht (Universität Heidelberg, Germany), Nina Braginskaya (RSUH, HSE, Moscow), Susanna Braund (University of British Columbia, Vancouver, Canada), Andrey Vinogradov (HSE, Moscow), Alexander Koptev (University of Tampere, Finland), Alexander Kuznetsov (Lomonosov MSU, Moscow), Konstantin Krasukhin (Iling of RAS, Moscow), Valentina Novodranova (Evdokimov MSMSU, Moscow), Sergey Saprykin (Lomonosov MSU, IWH of RAS, Moscow), Olga Sidorovitch (HSE, Moscow), Igor Surikov (IWH of RAS; Moscow), Margalit Finkelberg (Tel Aviv University, Israel), Gocha Tsetskhladze (Linacre College, University of Oxford, Great Britain), Yuri Shichalin (Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow)

Редакционная коллегия

А.В. Подосинов (главный редактор; ИВИ РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова), А.В. Белоусов (заместитель главного редактора; МГУ им. М.В. Ломоносова; ИВКА РГГУ), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора; МГУ им. М.В. Ломоносова; ИВИ РАН), Г.С. Беликов (ответственный секретарь; МГУ им. М.В. Ломоносова); И.А. Макаров (ИВИ РАН; ИВКА РГГУ), А.В. Мосолкин (МГУ им. М.В. Ломоносова), Б.М. Никольский (ШАГИ РАНХиГС; РГГУ), В.В. Файер (НИУ ВШЭ), М.В. Шумилин (ШАГИ РАНХиГС; ИВКА РГГУ), Е.А. Щербакова (ШАГИ РАНХиГС)

Editorial board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief; IWH of RAS; Lomonosov MSU, Moscow), Alexey Belousov (assistant Editor-in-Chief; Lomonosov MSU, RSUH, Moscow), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief; Lomonosov MSU, IWH of RAS, Moscow), Grigory Belikov (executive secretary; Lomonosov MSU, Moscow), Igor Makarov (IWH of RAS, RSUH, Moscow), Alexey Mosolkin (Lomonosov MSU, Moscow), Boris Nikolsky (RSUH, RANEPА, Moscow), Vladimir Fayer (HSE, Moscow), Mikhail Shumilin (RSUH, RANEPА, Moscow), Elisaveta Sherbakova (RANEPА, Moscow)

На первой странице обложки – *Аполлон и Артемиды совершают жертвоприношение на алтаре Зевса*. Краснофигурная гидрида. Атика. Ок. 490–480 до н.э. Вена, Kunsthistorisches Museum AKG47311.

Сайт: www.publisher.usdp.ru/aristeas

E-mail: aristeas.classics@gmail.com

Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

© Редколлегия журнала, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© А.В. Белоусова, дизайн и верстка, 2018

© Университет Дмитрия Пожарского, 2018

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2018



LECTORI BENEVOLO SALUTEM!

Том, который ты держишь в руках, дорогой читатель, в оформлении многих элементов и деталей отличается от предыдущих. Мы перешли на новую систему информации о наших авторах, по-другому оформляем библиографию и указание литературы в сносках, увеличили объем резюме, пригласили в состав редсовета несколько известных зарубежных ученых, расширили редколлегию, приняв в ее состав известного российского филолога-классика, д.ф.н. Бориса Никольского. Все эти изменения вызваны нашим желанием повысить рейтинг журнала, соответствовать требованиям, предъявляемым журналам международного уровня. В конце тома публикуются новые правила оформления рукописей, следовать которым мы призываем наших авторов.

Латинский текст, которым начинается том, принадлежит перу выдающегося московского латиниста Николая Алексеевича Федорова. Этот доклад, посвященный истории изучения латинского языка в России, был прочитан им в 2007 г. в Италии.

В четырех статьях, следующих далее, речь идет об образе Владыки/Владычицы коней в древнегреческом искусстве (С.А. Зинченко), о значении слова *sentinaculum* в прозе Павлина Ноланского (датский антиковед Тённес Беккер-Нильсен), о взаимоотношениях раннехристианских мучеников и языческой власти (Е.М. Розенблюм), наконец, о сущности Сократа и сократизма вообще и об образе Сократа в современной науке и культуре в частности (Д.В. Панченко).

Традиционный критический обзор публикаций по античной эпиграфике Северного Причерноморья, вышедших в 2016 г., написан А.В. Белоусовым в соавторстве с Л.Г. Елисеевой.

Е.В. Приходько продолжает публикацию итогов своих научных путешествий по малоизвестным уголкам Малой Азии, имеющих целью описание и изучение античных памятников. На этот раз публикуется материал о Коридаллах – древнем городе на южном побережье античной Ликии.

Раздел *Miscellanea* представлен тремя небольшими заметками, посвященными Катулле (М.В. Шумилин), Птолемею (Д.В. Щеглов) и Варрону (Н.В. Драчёва). Несмотря на небольшой объем этих заметок, каждая из них вносит свой особый вклад в рассматриваемые в них проблемы.

В.В. Файер в разделе «Судьбы классического наследия в последующих веках» рассматривает особенности современных переводов Катулла на русский язык.

В этом номере «Аристея» мы публикуем также материалы двух конференций, прошедших в Москве в 2017 году.

Первая конференция, организованная кафедрой древних языков истфака МГУ, была посвящена проблемам преподавания древних языков на исторических факультетах вузов России и проходила 14 апреля 2017 г. на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова. В ней приняли участие руководители соответствующих кафедр и преподаватели из нескольких ведущих вузов Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода и Саратова. Их выступления (всего восемь), показывающие ситуацию в этой области образования (чаще неутешительную), публикуются в «Аристее».

Вторая конференция, в которой «Аристей» участвовал в качестве одного из организаторов, проходила 14 ноября 2017 г. под эгидой Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» в рамках международного научного цикла «XX век: культура и время» и называлась «Свидетель века: К 95-летию А.А. Тахо-Годи». Доклады, как понятно из названия, были посвящены патриарху отечественной классической филологии, Азе Алибековне Тахо-Годи и ее мужу, замечательному русскому философу А.Ф. Лосеву. Статьями немецкого ученого Х. Кусе и московского классициста Н.К. Малинауспене мы начинаем публикацию материалов этой конференции.

В разделе *Personalia* помещено эмоциональное «Слово о Людмиле Павловне Поняевой», преподавателе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, в связи с ее юбилеем. Большинство московских филологов-классиков прошли через строгую школу Людмилы Павловны. Я тоже был одним из них и хотел бы пожелать ей здоровья, сил, благополучия и радости от ее учеников.

В заключение я вынужден с прискорбием сообщить о безвременной кончине 23 февраля 2018 г. (род. 19 декабря 1957 г.) одного из талантливейших антиковедов нашей страны, большого друга журнала «Аристей» и моего друга, Сергея Ремировича Тохтасьева, работавшего в секторе Древнего Востока Института восточных рукописей РАН в Петербурге. Он блестяще проявил себя во многих научных сферах – был выдающимся востоковедом, владевшим многими древними языками, историком, филологом, лингвистом, археологом, эпиграфистом, и в каждой научной дисциплине ему не было равных. Сергей, не терпевший компромиссов, олицетворял собой совесть нашей науки. В предыдущем томе «Аристея» была опубликована его

статья (вероятно, последняя), которую он еще успел увидеть напечатанной. Кончина С.Р. Тохтасьева – это невосполнимая потеря для отечественной и мировой исторической науки. Редколлегия скорбит о его уходе от нас. Мир праху его и вечная память!



Сергей Ремирович Тохтасьев

(19 декабря 1957 г. – 23 февраля 2018 г.).

Москва, 25 апреля 2018 г.

*Главный редактор журнала
А.В. Подосинов*

СОДЕРЖАНИЕ



| | |
|---|-----|
| От главного редактора | 5 |
| СОДЕРЖАНИЕ. | 8 |
| CONTENTS | 11 |
| ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ | |
| <i>Nicolaus Fedorov</i> | |
| De statu et studio Latinitatis in Russia | 14 |
| СТАТЬИ | |
| <i>С.А. Зинченко</i> | |
| Образ Πότνιος/Πότνια Ἰπλιος («Владыки/Владычицы коней») в искусстве Древней Греции VIII–VI вв. до н. э.: проблема выявления и особенности функционирования | 22 |
| <i>T. Bekker-Nielsen</i> | |
| Sentinaculum: A <i>hapax</i> in Paulinus of Nola, Letter 49. | 49 |
| <i>Е.М. Розенблюм</i> | |
| Эволюция отношения раннехристианских мучеников к языческой власти. | 58 |
| <i>Д.В. Панченко</i> | |
| Сократ в «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга и др. (Публикация самиздатской статьи 1980 года с послесловием о Платоне, Бахтине и о том, каков был Сократ на самом деле). | 70 |
| ΕΠΙΓΡΑΦΙΚΑ ΡΟΝΤΙΚΑ | |
| <i>А.В. Белоусов, Л.Г. Елисеева</i> | |
| Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2016 г. | 93 |
| ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНУЮ АНТИЧНОСТЬ | |
| <i>Е.В. Приходько</i> | |
| Плач по Коридаллам. Часть 1. Современники о городе: люди и события. | 138 |
| MISCELLANEA | |
| <i>М.В. Шумилин</i> | |
| Cat. 64.122 | 177 |

| | |
|--|-----|
| <i>Д.А. Щеглов</i> Широта Ормузского пролива в «Географии» Птолемея | 185 |
| <i>Н.В. Драчёва</i> Понятие <i>effinitus</i> в лингвистической доктрине Варрона | 192 |
| КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ | |
| <i>В.В. Файер</i> «<i>Dono lepidum novum libellum</i>»: о современных переводах из Катуллы и Горация | 196 |
| <i>Д.А. Литвинов</i> Переводы из Катуллы | 214 |
| ПРЕПОДАВАНИЕ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ | |
| Материалы конференции, посвященной преподаванию древних языков на исторических факультетах российских вузов | 220 |
| <i>Н.Н. Казанский</i> Древние языки как основа высшего гуманитарного образования | 222 |
| <i>А.В. Подосинов</i> Актуальные проблемы преподавания древних языков на исторических факультетах российских университетов | 226 |
| <i>А.В. Белоусов</i> Как и для чего учить историка древним языкам: некоторые размышления о профессиональной квалификации будущих историков – антиковедов и медиевистов | 233 |
| <i>Е.В. Илюшечкина</i> Древние языки в программе историков Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) | 240 |
| <i>В.В. Файер</i> Преподавание латыни в Школе лингвистики НИУ ВШЭ | 245 |
| <i>В.Г. Мостовая</i> Проблемы преподавания древних языков студентам кафедры истории древнего мира ИВКА РГГУ | 249 |
| <i>Э.Д. Фролов, О.Ю. Климов</i> Преподавание древних языков на кафедре истории Древней Греции и Рима Института истории СПбГУ | 251 |
| <i>А.В. Махлаюк</i> Опыт и проблемы преподавания древних языков в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского | 258 |

| | |
|---|-----|
| Резолюция по итогам работы конференции и предложения об улучшении преподавания древних языков в вузах России | 264 |
| СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА | |
| Материалы международной конференции «Свидетель века: к 95-летию А.А. Тахо-Годи» | 266 |
| <i>Х. Куссе</i> | |
| Николай Кузанский, Лосев, Витгенштейн: О языке философии | 268 |
| <i>Н.К. Малинаускене</i> | |
| В диалоге с учителем | 281 |
| PERSONALIA | |
| <i>Н.К. Малинаускене</i> | |
| Слово о Людмиле Павловне Поняевой | 295 |
| СОКРАЩЕНИЯ | 304 |
| ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ | 306 |



Nicolaus Fedorov

DE STATU ET STUDIO LATINITATIS IN RUSSIA¹

Collegae doctissimi!

Meum propositum est paucis verbis vobis de statu et studio Latinitatis in Russia dicere.

Conditio ac usus Linguae Latinae in Russia multum differt ab Europa Occidentali, ubi Latinitatis hereditas propria atque nativa, nullo temporis momento intermissa est, cum Russia diu (usque fere ad saeculum quindecimum), a processu cultus humanitatisque Occidentalis seclusa esset, et tantum aetate Basilii Tertii et Iohannis Terribilis notitia ac usus Linguae Latinae relationibus inter Russiam et Europam ecclesiasticis et publicis institutis nacti essent.

Inter omnes constat animi culturam in Russia mediaevali primo auctoritatem Byzantiae secutam esse, ideoque imprimis confessionalem, immo monasticam proprietatem habuisse, omnem Occidentalem (id est Latinam) influentiam aspernantem. Nihilominus hac auctoritate non obstante litterarum Latinarum studium paulatim initio, dein magis magisque audacius incessanter crescebat, versiones librorum Latinorum, iam non solum theologorum, sed etiam laicorum, ita ut saeculo septimo decimo numerus versionum e Latino sermone fere aequaretur versionibus e Graeco.

Nihil fere notum est de litteris Rossicis ante aetatem Baptismatis Rossiae, et tantum ab hoc tempore (acceptioe scilicet fidei christianae more Byzantino) ap-

¹ Oratio in conventu Academiae latinitatis fovendae (Italia a. 2007) pronunciata. [Huic orationi satis simile est opusculum a. 2008 a Nicolao Fedorov editum (Fedorov N. De latinitatis studiis in Russia. *Новый Гермес* 2 (2008) 7–10), sed nihilominus eam quoque permissu uxoris eius imprimere operae pretium esse statuimus, ut magistri optimi scriptorum memoria quam optime servetur. *Editores.*]



Н. Федоров
Рубанова 2010 (холст, масло)

parere incipiunt versiones e lingua Graeca. Dicimus hic quidem de versionibus, non de operibus originalibus, rarissimis hoc tempore, nam versionibus eorumque qualitate, non operibus originalibus, secundum verba eminentis philologi Rossici Alexei Sobolevsky, dicentis “in Vetere Rossia progressum animi cultus non operibus originalibus, sed versionibus eorumque proprietatibus determinatum esse”.

Primae versiones Latinae ad saeculum quintum decimum pertinent, ad tempus conventus Ferraro-Florentini (1438–1439), inter quas epistola Pontificis Innocentii Tertii de conventus decretis. Huic conventui legati Rossicae ecclesiae inter-

fuerunt (quae res argumento esse potest in Russia hoc tempore iam fuisse homines linguam Latinam bene scientes). Ceterum ipsa conventus decreta, quae Unionem inter ecclesias catholicam et orthodoxam proclamaverant repulsum acerrimum a maiore clericorum parte acceperunt, hostiliter omnia ab Occidente manantia excipientium. Nam notum est animi culturam in Rossia Mediaevali auctoritatem Byzantinam secutam esse, ideoque imprimis confessionalem, immo monasticam proprietatam habuisse, omnem Occidentalem (id est Latinam) influentiam aspernantem, ut hostilem periculosumque. Nihilominus litterarum Latinarum studium illa auctoritate non obstante paulatim initio, dein magis magisque crescebat. Hoc studium praecipue erat in regione Novigradi, quae propius Occidenti est, ideoque crebriores arcioresque cum Occidentalibus civitatibus relationes habebat. Ad finem saeculi quinti decimi Novigradi, iam Moscoviae adiuncti, circulus quidam oritur interpretum, qui iussu Gennadii, archiepiscopi Novigradiensis (unde nomen huic circulo *Gennadianus* aut *scriptorium Gennadianum*) plurimas versiones librorum theologorum efficiunt, inter quas principem ac maxime momenti locum plena versio omnium librorum Sacrae Scripturae possidet, quae editio A.D. 1499 *Biblia Gennadiana* nuncupata est. In hac editione primum aliquot libri Sacrae Scripturae translati sunt, nempe Paralipomenon, Esdrae I–II, Tobias, Iudith, Esther, Machabaeorum I–II, Sapientiae. Notandum est has translationes e Vulgata, id est e sermone Latino factas esse.

Inter interpretes, qui huic circulo interfuerunt, imprimis memorandus est Demetrius Gerassimov, vir non mediocris ingenii, qui in Europa cognomen Erasmi meruit, doctus in Livonia, ubi linguas Latinam et Germanicam didicit, iuvenis etiam duos

annos Romae et Venetiae habitavit, iam sexaginarium legatus Basilii regis Romam ad Pontificem Clementem missus est, ubi sympathiam, immo amorem et admirationem omnium excitavit doctrina sua, sermone eleganti ac hilari, acumine ingenii et iucunde faceteque colloquendi arte. Praeter libros Sacrae Scripturae aliquot alios libros varii argumenti transtulit, inter quos tractatus theologo-philosophicus “Disputatio de Adventu Christi” Nicolai de Lyra (aliter “Probatio de Adventu Christi”), “Rationale Divinorum officiorum” (cap. 8) G. Durandi. Iam iuvenis “Artem Grammaticam” Donati transtulit, quae postea ad linguam Rossicam (ecclesiastico-slavonicam) ediscendam mutatis exemplis adoptata (Miletius Smotricky) et multos annos in usu scholarum fuit. Inter versiones ab eo factas sunt quoque opera saecularis argumenti, exempli causa liber “De Moluccis insulis”, ubi de navigatione Magellani ad eas insulas narrabatur.

Gennadio mortuo Mosquam demigravit, ubi Maximum Graecum adiuvabat in translatione Patrum “Explicationum in Psalterium”. Maximus Graecus linguam Rossicam nesciebat, Gerassimov autem – linguam Graecam, itaque Maximus e Graeco sermone textum patristicum in Latinum traducebat, Gerassimov – e Latino in Rossicum.

Saeculo septimo decimo edita sunt dictionaria Latino-Rossica (1642 et 1650). Notissimum est “Lexicon Graeco-Slavono-Latinum” Epiphani Slavinezky et eiusdem “Lexicon philologicum”, quod re vera lexicon theologo-philosophicum fuit, aliquo sensu dictionario encyclopaedico simile. Eodem tempore aliquot Artes Grammaticae provenerunt.

Extiterunt et alii interpretes, quorum numerus paulatim augebatur, nomina tamen saepe ignota erant. Ad saeculum septimum decimum numerus translationum ad centum cum dimidio attingit, praecipue e Latino (nec non e Germanico et Polono), et Latinae translationes numero suo Graecis fere aequabantur. Praeter opera theologica libri de medicina, geographia, historia, mathematica etc., “artes” varii generis (medendi, computandi, eloquendi, rei militaris, fortificandi, equitandi, etiam cibos coquendi etc.) traducebantur, aequae ac descriptiones miraculorum et pergrinationum, fabulae, facetiae, narrationes “animum capientes” quae dicuntur (exempli causa, etiam fine saeculi quinti decimi translata erat “Historia de Vlado Dracula”, licet non statim e Latino, sed videlicet e Germano). Translati sunt quoque libri classicorum Antiquorum et Medii Aevi – “Geographia” Pomponii Melae, nonnulla opera Beati Augustini, Alberti Magni, Raimundi Lullii et al. Dicendum est tamen electum librorum ad traducendum fuisse interdum fortuitum et tumultuarium, non semper traducebantur libri hoc opere digni. Multi interpretes erant homines peregrini, qui non satis bene linguam Rossicam sciebant, ideoque non omnes versiones erant bonae qualitatis.

Eodem saeculo septimo decimo initium capit institutio systematica puerum iuvenumque et oriuntur litterarum scholae. Ipso initio saeculi (1601) Mosquae in vico, qui Rossice “Nemetzskaja sloboda” appellabatur, ubi solum peregrini habita-

bant, ludus litterarius instituitur, in quo lingua Latina et Germana docebantur, quam scholam non solum liberi peregrinorum, sed etiam Moskovitarum natorum frequentabant. Postea aliae scholae ortae sunt, ubi initio solum Graecorum lingua, dein Graecus et Latinus sermo discebantur (A.D. 1634 a patriarcho Philareto condita), anno 1665 aperta est schola apud monasterium Salvatoris (Spassky monastery').

Sed profecto maximi momenti res, magnitudo ac significatio cuius exaggerari non potest, erat institutio Mosquae (1668) Academiae Slavonis-Graecis-Latinis litteris docendis (Slavjano-Greko-Latinskaja Akademia), ubi pari iure tres linguae et litterae docebantur a magistris ex Ukraina (Collegium Kievense) et Alba Rossia invitatis, qui ipsi in Universitatibus Europae eruditi erant. Sexaginta quinque annis post (AD 1750) in fundamento hac Academia iacto ab alumno eius inclito Michael Lomonossov auctore Universitas Mosquensis creata est, cuius discipuli praeter Lomonossov, eminentes culturae Rossicae actores erant Trediakovsky, professor eloquentiae Rossicae et Latinae, Cantemirus poeta, Bazenov architectus.

Ab initio saeculi duodevicesimi lingua Latina magis magisque linguam Graecam usu detrudebat et locum eius in scientiis docendis occupabat. Ita omnes professorum lectiones in Universitate Latine gerebantur, aequae ut et omnia instrumenta et acta administrativa, qui mos usque ad initium saeculi undevicesimi mansit.

Hic inter cetera adiciendum est non solum in Academia et Universitate, sed etiam in scholis ecclesiasticis, quae Seminaria appellantur, linguam Latinam in usu docendi fuisse usque ad saeculum undevicesimum, quae res non semper a multis clericis benigne accipiebatur, timentibus ne una cum Latinitate maligna et periculosa auctoritas Occidentalis in clericorum mentes penetret. Nihilominus studium linguarum Latinarum in his scholis conservatum est, licet ipsa linguarum institutio sermone Rossico fiebat. Et nunc utraque lingua in omnibus Seminariis, Academiis, Universitatibus orthodoxis docetur.

Quod ad educationem saecularem attinet in primo dimidio saeculi duodevicesimi duo gymnasia aperta sunt, alterum apud Academiam Scientiarum Petropoli 1726, alterum – apud Universitatem Mosquensem (1755). Institutio linguae Latinae hic necessaria fuit. In Universitatibus autem duae cathedrae apertae sunt: antiquitatum Graecarum et antiquitatum Latinarum. Haec fuit initium philologiae classicae in Rossia.

Saeculo undevicesimo studium Latinitatis magnum progressum fecit. Multi viri docti, philologiae classicae peritissimi, hoc saeculo et sequenti provenere, inter quos eminentissimos philologos nominare possumus, sicut exempli gratia Theodorum Korsh, non solum philologiae classicae, sed etiam Arabicae et Slavonicae, litterarum terrarum Occidentalium peritissimum, nec non dono poetico ornatum, qui carmina variis linguis, et Latina quidem, splendidissime componere potuerit. Hoc fastigium scientificum posterioribus temporibus (fine saeculi XIX et initio saeculi XX) exceperunt et superaverunt alii viri docti, ut Thaddeus Zelinsky, splendidissimus ora-

tor et scriptor, qui libris suis in omni orbi terrarum notissimis humanitatis antiquae auctoritatem ac valorem aeternum immutabilemque celebravit, Michael Pokrovsky et Sergius Sobolevsky multum linguarum scientiam provexerunt. Hoc loco necessarium mihi videtur etiam nostrae aetatis eminentium philologorum, investigatorum culturae antiquitatis, nomina memorare – Sergium Averintzev, Michaellem Gasparov, et Victorem Jarcho.

Dicere possumus huius scientiae *saeculum aureum* saeculo undevicesimo fuisse. Hoc saeculo ineunte confirmatum est publice statutum gymnasiolorum, quo statuto Linguae Latinae instituendae tredecim centesimae institutorii temporis tributae sunt, qui numerus postea ad septendecim centesimas auctus est. In gymnasiis autem, ubi utraque lingua docebatur, summa ad triginta centesimas extollebatur. Verum numerus lectionum interdum mutabatur; immo ipsa necessitas ac utilitas linguarum antiquarum docendarum a hominibus variorum stratum socialium non aequaliter aestimabatur, ex quo fiebat, ut programmata institutionis saepius mutata essent et certamen inter fautores linguarum antiquarum “classicistas” qui dicuntur et earum linguarum adversarios (“realistas”) nunquam cessavit.

Nihilominus in gymnasiis plerumque Lingua Latina sex aut septem annos per quattuor horas in septimana doceri solita est, a secundo, saepius a tertio studii anno. Ad finem studii discipuli legere et interpretari satis difficiliores auctores poterant, nec non vertere textus Rossicos in Latinum.

Itaque vicesimo saeculo ineunte institutio Linguarum antiquarum in gymnasiis Russis satis altum fastigium attigit, quod coaequari Europaeo posset (non dicimus de scholis “realibus”, ubi institutio Linguae Latinae non docebatur, quae res inter cetera abiturientibus harum scholarum aditum ad Universitates difficillimum fecit).

Saeculo XIX ineunte in Rossia firma ac stricta systema institutionis scholaris componitur, cuius magnam partem disciplina linguarum antiquarum optinebat.

Sed brevi, anno septimo decimo saeculi proximi, haec omnia corruerunt, nam statu rei publicae funditus mutato gymnasia sublata sunt, sicuti et omnes facultates historiae, philosophiae, philologiae docendis, institutio Linguarum antiquarum prorsus interdicta est. Per quindecim fere annos utraque lingua antiqua nusquam doceri potuit exceptis institutis medicis, ubi Lingua Latina necessaria est ad terminologiam anatomicam discendam atque formulas receptorum scribendas.

Solum vicesimi saeculi anno trigesimo tertio institutio scientiarum humanarum – historiae, philologiae, philosophiae, linguarum antiquarum restituta est (sed tantum in scholis superioribus, non in mediis quae dicuntur).

Secundo bello mundano finito annis quinquagesimis ineuntibus conatus redintegrandae in scholis mediis Latinae Linguae docendae susceptus est: liber manualis festinanter editus est, numerus studiosorum philologiae classicae in Univesitatibus auctus, experimentalis modo institutio Linguae Latinae in nonnullis scholis inducta,

sed mox tam subito, quam incepit, hic conatus prorsus corrumpitur multis contraluctantibus, nec non penuria praeceptorum. Solum temporibus aetatis, quae “reformatio” dicitur (*perestrojka*), id est triginta annis post institutio Linguae Latinae (in nonnullis scholis etiam Graecae) restituta est. Quamquam etiam nunc haec disciplina necessaria non putatur, nec programmata publice confirmata habet, nec numerum horarum docendi certum, sed omnia haec plane in directoris gymnasii arbitrato sunt. Quae cum ita sint (non semper nec ubique bene), attamen deorum auxilio iam viginti fere annos lingua Latina in nostris scholis docetur et interdum feliciter. Non necesse est numerum gymnasiorum et collegiorum indicare, ubi Lingua Latina docetur, sed in omnibus maioribus urbibus talia gymnasia sunt. Mosquae exempli causa Lingua Latina in triginta gymnasiis docetur.

Maior pars gymnasiorum solam Linguam Latinam discipulis praebet, quod autem ad linguam Graecam attinet, ea in nonnullis scholis disci potest secundum propriam discipulorum voluntatem. Sunt quoque non pauca gymnasia, ubi lingua Latina non diutius uno anno docetur (duas horas in septimana), sed confitendum est effectum talis doctrinae non magnum esse solere, et huius generis institutionem nihil aliud esse nisi donum, quod “novae consuetudini”, quae vocabulo moderno “moda” dicitur, deberi.

Omnia fere gymnasia in studiis linguae Latinae librum manuum a professore A. Podossinov et N. Schaveleva scriptum iam quattuordecim annos in usu habent. Hoc manuale ex novem voluminibus constat, quorum tria priora (eaque principalia), ad tres studii annos destinata, pedetentim elementa grammaticae Latinae exponunt, textibus institutoriis et exercitationibus varii generis consecuta. Duae aliae partes anthologiam Latinam discipulis decimi et undecimi anni praebent, sexta pars – artem grammaticam, systematico modo expositam, septima pars commentarios ad textus chrestomathiae exhibet, quam sequuntur duo dictionaria: Latino-Russum et Russo-Latinum.

Principale propositum institutionis Linguae Latinae non tantum in grammaticae artis regulis explicandis eisque a discipulis ediscendis consistit, sed multo maiore ex parte in propria humanitatis antiquae natura cognoscenda intelligendaque. Itaque auctores huius libri manualis hunc finem sequentes non solum materiam grammaticam: regulas, paradigmata, exercitationes (quas inter primum locum versiones in sermonem natalem id est Rossicum et vice versa in sermonem Latinum, ut utilissimae, tenent) praebent, sed etiam explicationes rerum ad cultum humanum et vitam civilem pertinentium, enarrationes rerum gestarum mores hominum nationumque etc.

In his lectionibus non solum de rebus moribusque Romanis, sed etiam multo latius – de moribus ac consuetudine totius antiquitatis Graeco-Romanae agitur, qua re necessario fit, ut discentes altiore notitiam huius civilizationis acquirant eorumque eruditio et animi orbis (sit venia verbi) magis magisque dilatentur et ipsa Linguae Latinae disciplina ut fons et clavis humanitatis Europae accipiatur.

Chrestomathia multum ad eruditionem discentium augendam notitiamque litterarum antiquarum, rerumque gestarum acquirendam praebet. Secunda chrestomathii pars ad usum discipulorum decimi et undecimi anni destinata, fragmenta auctorum antiquorum, nec non Medii Aevi et Aetatis litterarum renascentium continet.

Quod ad rationes Linguae Latinae instituendae attinet, aliquam eius rei impressionem ex iam citato libro manuali accipere possumus, nam liber ille imprimis auctorum experientia personali ninitur (professor Podossinov usque ad hodiernum diem Linguam Latinam in uno gymnasio Mosquensi docet), unde prosperae felicesque inventiones ad docendi artem ac peritiam pertinentes proveniunt.

Iam dictum est de gravitate ac utilitate illarum manualis partium, quae Romanorum cultui humano illustrando consecratae, ad intellectum discipulorum excolendum intentae sunt, non solum grammaticae artis scientiam, sed humanitatis Graeco-Latinae comprehensionem praebent. Exercitationes, discipulis propositae, quoque ad ingenii acuminis augendum intentae sunt, cui rei varia aenigmata, vocabula intersecantia (crosswords) quae dicuntur, ioci et similia serviunt.

Non oblitum est ludorum scaenicorum ut efficacissimi linguae instituendae adminiculi. Incredibile dictu est, exempli causa quanta voluptate accepta sit, quantoque successu omnibus ab infantia notissima iucunda et festiva fabula de “Cappula Rubra” acta, transformata et ad conditionem vitae contemporaneae studiosorum singulis locis accomodata. Exemplo “Cappulae Rubrae” aliae fabulae similiter transformatae aguntur (“Cattus caligatus”, “Novum regis vestimentum” et similia). Omnia haec doctrinam linguae laetiores iucundioresque faciunt, taedium expellunt, laboriosum opus ad bonum felicemque finem adducendo.

Ad incrementum ac progressum Linguae Latinae instituendae maximi momenti sunt certamina discipulorum, quae Olympiades nominantur et quotannis apud Universitates Mosquae (Lomonosoviana, Humanistica, Linguistica), Petropoli (Universitas Petropolitana) efficiuntur, coniungentes elementa didactica ac lusoria, “miscendo utilia dulci”, quibus intersunt discipuli ex variis urbibus numero saepe ad ducentos.

Itaque, ut videre possumus, etiam nostra tempestate in Russia denuo studium Latinitatis paulatim renascitur.

Ad vias rationesque linguam Latinam instituendi perficiendas ac meliores faciendas quotannis conventus praeceptorum Linguae Latinae convocantur, olim in variis urbibus, nunc tantum Mosquae in litterarum facultate Universitatis Mosquensis. In his conventibus methodi rationesque linguae docendae tractantur, orationes et acroases scientificae proponuntur ac disputantur.

Inter varia genera Linguae Latinae docendae primum locum *gymnasium classicum* habuit, tale quod apud nos saeculo duodevicesimo fuit, ubi utraque lingua pari iure docebatur. Nunc duo sunt huius generis gymnasia – Petropoli et Mosquae. Praeter linguas antiquas ibi omnes disciplinae, quae in communibus scholis neces-

sariae sunt, docentur et insuper aliae, ad cultum humanitatemque excolendam pertinentes. In gymnasio Petropolitano a professoribus Universitatis condito (quorum multi in eo docent), praeter iam nominatas principale locum mathematica optinet, in gymnasio Mosquensi, quod est apud Museum Graeco-Latinum a doctore philosophiae Schichalin moderatum, – Testamentum Novum aliaeque disciplinae – historia litterarum et artium, rhetorica, philosophia, politologia, historia civilis docentur etc. In gymnasio Petropolitano lingua Latina docetur a sexto studii anno usque ad annum undecimum (5,5; 4,3; 3,3 horas in septimana), lingua Graeca – ab octavo usque ad undecimum (4,4; 3,3 horas per septimanam).

Moderatores gymnasii Petropolitani declarant propositum suum esse, ut discipuli schola abituri in Universitatibus Europae studium philologiae classicae prosequi feliciter possint. Quamquam re vera solum pauci discipulorum huius gymnasii philologiam classicam ut professionem suam elegerunt, tamen omnes discipuli in Institutis et Universitatibus Petropolitanis studium persequi potuerunt.

Maior pars gymnasiorum solam Linguam Latinam discipulis praebet, quod autem ad linguam Graecam attinet, ea in nonnullis scholis disci potest secundum propriam discipulorum voluntatem. Sunt quoque non pauca gymnasia, ubi lingua Latina non diutius uno anno docetur (duas horas in septimana), sed confitendum est effectum talis doctrinae non magnum esse solere, et huius generis institutionem nihil aliud esse nisi donum, quod “novae consuetudini”, quae vocabulo moderno “moda” dicitur, debeatur.

Principale propositum institutionis Linguae Latinae non tantum in grammaticae artis regulis explicandis eisque a discipulis ediscendis consistit, sed nostro quidem iudicio multo maiore ex parte in propria humanitatis antiquae natura cognoscenda intelligendaque. Itaque quaeque lectiones non solum materiam grammaticam: regulas, paradigmata, exercitationes (quas inter primum locum versiones in sermonem natalem id est rossicum, ut utilissimae, tenent) praebeant, sed etiam imprimis explanationes rerum ad cultum humanum et vitam civilem pertinentium.

Itaque videre possumus etiam nostra tempestate in Russia denuo studium Latinitatis paulatim renasci. Annis labentibus studium illud multas vices patiebatur, tempora ut elationis, ita occasus, immo fere interitus novit. Utinam notitiam eius, ut disciplinae humanitatem prae se ferentis, vel parvum gradum ad mutuuum inter se consensum, ad veram pacem instituendam facere hominibus auxilium ferat. Possitne haec res fieri necne nescio. Dixi.





С.А. Зинченко

ОБРАЗ ПОТΝΙΟΣ/ΠΟΤΝΙΑ ΠΠΙΟΣ («ВЛАДЫКИ/
ВЛАДЫЧИЦЫ КОНЕЙ») В ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ VIII–VI ВВ. ДО Н. Э.: ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Зинченко, Софья Анатольевна
кандидат искусствоведения
доцент

Школа исторических наук Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная, 21/4
e-mail: szinchenko@hse.ru;
zintchenko@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается образ Πότνιος/Πότνια Ἴππιος в аттической и аргосской вазописи VIII в. до н. э., в пластике малых форм (связанных в основном с находками из святилища Артемиды Орфии в Спарте VII – начала VI вв. до н. э.). Выделяются основные иконометрические параметры для представления Πότνιος/Πότνια Ἴππιος в вазописи VIII в. до н. э., возможные иконографические варианты и основные группы знаков-заместителей антропоморфной фигуры. Проведённый анализ позволил отметить приоритетное использование Πότνιος Ἴππιος в вазописи, а Πότνιος/Πότνια Ἴππιος – в мелкой пластике, а также достаточное сходство с подобными образами, встречающимися в наскальном искусстве евразийских степей II – I тыс. до н. э. При анализе памятников с образом Πότνιος/Πότνια Ἴππιος в пластике малых форм отмечается частое смешение с образом Πότνιος/Πότνια Θηρών и рассматриваются возможные причины этих художественных процессов. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что популярность образа Πότνιος/Πότνια Ἴππιος может быть

обоснована спецификой культурогенеза отдельных центров Древней Греции в VIII – начале VI вв. до н. э., прежде всего таких, как Атика, Арголида и Спарта.

Ключевые слова: Искусство Древней Греции VIII–VI вв. до н. э., вазапись геометрического стиля, Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος, Πότνιος/Πότνια Θηρών, искусство евразийских степей II–I тыс. до н. э., пластика малых форм VII–VI вв. до н. э.

Вопросы, рассматриваемые в данной статье, неизбежно возникают при анализе и описании изображений, повторяющихся либо «всплывающих» на протяжении длительного времени и в разных культурах. При взаимодействии с внешне близкими образами, относящимися подчас к разным культурам и периодам, возникает необходимость анализа художественных процессов и определения места в них того иного типа изображений.

Неоднократно зарубежные и отечественные исследователи в своих работах обращали внимание на достаточно известный в художественных культурах Древнего мира образ Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος¹, тем не менее заявленная в статье проблема не была обозначена.

Для выделения этого образа в искусстве Древней Греции выбранного периода необходимо определить наиболее репрезентативные и по большей части неизменные иконометрические черты, которые будут слагать данный иконографический тип и, следовательно, практически неизбежно сохраняться и постоянно воспроизводиться. Прежде всего, это строго геральдическая (антитетическая) композиция, скомпонованная по принципу зеркальной симметрии, осью которой выступает мужская/женская фигура. Изображение человека фланкируют повернутые к нему мордами кони, которых он держит за узду. Руки, держащие узду, чаще всего подняты вверх. Также как дополнительные слагаемые типа Πότνιος Ἴπλιος могут выступать «...островерхий головной убор центрального персонажа, подчеркнутые утолщения икроножных мышц, сходные пропорции фигур...»².

Выбор временных рамок (VIII–VI вв. до н. э.) обоснован следующими факторами – это период, когда в культуре Древней Греции в результате культурного переворота слагался полис (сначала архаический, затем аристократический)³, а впоследствии – «...цельность, органичное выражение определенной художе-

¹ Andreyev 2008; Musbakhova 2012: 40; Sovetova 2011; Sher 1993; Bevan 1985; Blázquez Martínez 1954; Eiroa, Rodríguez 1987; Eiroa 1988; Gaillard de Sémainville 2010; Kopaka 2001: 21; Langdon 1989; 2010; Lèger 2015: 82, Appendix 2.2; Molina, Revuelta 2000; Moore 2004; Hanks 2010: 182; Schofield 1995.

² Sher 1993: 17.

³ Andreyev 2010: 335, 367.

ственной картины мира»⁴. Кроме того, в этот период фиксируется наибольшее количество изображений Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος.

Объектами анализа в данной статье служат изобразительные памятники как древнегреческой вазописи, так и мелкой пластики. Среди произведений вазописи известны кратеры, происходящие из Аргоса: из собрания музея в Аргосе (около 725 г. до н. э.)⁵; из собрания Германского археологического института в Афинах⁶, а также сосуды этого типа позднегеометрического периода из собрания Национального музея в Афинах (Инв. № 877)^{7,8}.

Сосуды с данным сюжетом происходят и из Аттики: ойнохойя из собрания Национального музея Дании (800–750 гг. до н. э., Инв. № 1628, Копенгаген)⁹; ойнохойя, относящаяся к так называемой «Concentric Circle Group» (позднегеометрический период Ib и IIa¹⁰, Берлин, № 3374)¹¹; килик, (740–720 гг. до н. э.)¹²; амфора (около 710 г. до н. э., Метрополитен музей)¹³; фрагменты росписи сосудов позднегеометрического времени из некрополя Керамик¹⁴.

Итак, в вазописи наблюдается приоритетное использование образа Πότνιος Ἴπλιος. Практически все иконометрические параметры соблюдены. К постоянно «проговариваемым» признакам относятся: центральная фигура, держащая за поводья фланкирующих ее коней; сходные пропорции фигур, с узкой талией¹⁵, выделенными бедрами и утолщенными икроножными мышцами. К признакам, наименее сохранным и дающим наибольшую вариативность, стоит отнести изображение головного убора: помимо убора остроконечной формы¹⁶, есть шлемы с плюмажем (?)¹⁷. А также на ряде фигур голов-

⁴ Surikov 2012: 175.

⁵ Coldstream 1977: 144, fig. 46 (a).

⁶ Langdon 1989: 186, fig. 1; Langdon 2010: 9, fig. 8. Происходит из Микен.

⁷ Langdon 2010: 10, fig. 9.

⁸ Blavatskiy 1953: 70; Langdon 1993: 186, fig. 2; Sher 1993: 18, табл. 1 (5).

⁹ Gray 1974: Taf. GX. B.

¹⁰ Для аттической вазописи эти подпериоды датируют следующим образом: Ib – 750–735 гг. до н. э. и IIa – 735–720 гг. до н. э. (Carter 1972: 27).

¹¹ Sher 1993: 18, табл. 1 (6); Schofield 1995: 243, fig. 9.

¹² Blavatskiy 1953: 64; Sher 1993: 18, табл. 1 (7).

¹³ Antichnoye iskusstvo 1978; Moore 2004: 38, fig. 4.

¹⁴ Sher 1993: 18, табл. 1 (8,10).

¹⁵ Из всех перечисленных памятников данная деталь не выявлена в изображениях на некоторых аттических сосудах (на килике, датируемым 740–720 гг. до н. э. и на амфоре, датируемой около 710 г. до н. э.), т. к. фигура показана как прикрытая щитом.

¹⁶ Представлена во фрагментах росписи сосудов позднегеометрического времени, происходящих из некрополя Керамик.

¹⁷ Подобная форма головного убора представлена на аргосском кратере позднегеометрического периода, происходящем из Микен, из собрания Немецкого археологического института в Афинах; на аттической амфоре, датируемой около 710 г. до н. э., из собрания Метрополитен музея и на аттическом килике (740–720 гг. до н. э.).

ной убор отсутствует¹⁸ либо показан не четко¹⁹, либо его заменяет навершие в виде птицы²⁰.

Одним из вариантов рассмотренного иконографического типа могли стать изображения, повторяющие основной «скелет» композиции (прежде всего, центральную ось, заданную мужской фигурой, и симметрию, отмеченную его руками, поднятыми вверх), но с одним конем²¹. В качестве примера можно привести изображение на позднегеометрическом сосуде из собрания Музея искусств Принстонского университета²².

В произведениях мелкой пластики представлен образ не только Πότνιος Ἴππιος, но Πότνια Ἴππιος. Основной корпус образов Πότνια Ἴππιος иллюстрируется памятниками из святилища Артемиды Орфии в Спарте. Среди них выделяется группа ранних свинцовых вотивов класса I и II²³ (вторая половина VII – начало VI в. до н. э.²⁴). Предметы, происходящие из святилища Артемиды Орфии в Спарте и связанные с репрезентацией образа Πότνια Ἴππιος, обладают рядом существенных отличительных признаков по сравнению с тем иконографическим типом, который был выделен на примере вазописи. Так описывает их Ю.В. Андреев «... изображения богини, иногда стоящей, иногда, по-видимому, восседающей, хотя это и не совсем ясно, на каком-то подобии колесницы, запряженной двумя лошадьми, головы которых смотрят в разные стороны»²⁵. Остаются неизменными только такие черты выделенного иконографического типа, как лаконичная геральдическая композиция с четко выделенной центральной осью и зеркальной симметрией, – собственно сама основа «скелета» иконографической схемы.

Как возможная редукция того варианта иконографического типа, который представлен отмеченными выше бронзовыми вотивами, могут быть приняты также изображения из святилища Артемиды Орфии в Спарте: голова Артемиды

¹⁸ Изображения на аргосских кратерах (около 725 г. до н. э. и позднегеометрического периода).

¹⁹ Изображение на аттическом кратере позднегеометрического периода из собрания Национального музея в Афинах.

²⁰ Изображение на ойнохойе, относящейся к так называемой «Concentric Circle Group» (датируется позднегеометрическим периодом Ib и IIa, Берлин, № 3374).

²¹ Вполне возможно, что сосуществование/взаимозаменяемость двух этих вариантов представлений о Πότνιος Ἴππιος связано с особенностями организации верховой езды на первых этапах ее появления, а именно «...верховая езда сначала производилась на колесничных, попарно съезженных лошадях, и первое время “возничий” управлял и своей лошастью, и лошастью вооруженного всадника» (Kovalevskaya 2016: 120).

²² Jones 1967: рис. 2.

²³ Andreyev 2008: 59, илл. 10, 4.

²⁴ Дискуссию о датировке этих предметов см.: Andreyev 2008: 52–53.

²⁵ Andreyev 2008: 58.

Орфии между двух коней (терракота; Спарта, музей)²⁶ и рельеф с изображением головы Артемиды Орфии (слоновая кость; Национальный музей, Афины)²⁷.

Образ Πότνιος Ἴππιος также известен на фибуле²⁸, происходящей из Беотии (VIII в. до н. э.)²⁹; на каменной плите, происходящей с Крита (VI в. до н. э.)³⁰; на статуэтке из Герайона с о-ва Самос³¹.

Наиболее полно сохраняет указанные иконометрические признаки изображение на беотийской фибуле. Изображения же на других упомянутых памятниках обладают рядом отличительных черт. На каменной плите, происходящей с Крита, изображены крылатые кони, привставшие на задние копыта, а на статуэтке из Герайона на о-ве Самос кони расположены параллельно мужскому телу. На данных изображениях головной убор отсутствует, но есть вполне четкое обозначение прически.

После рассмотрения вполне репрезентативного корпуса изображений возникает правомерный вопрос о том, насколько широк «спектр» идентификационных элементов, соотносимых с образом Πότνιος/Πότνια Ἴππιος, или же можно сузить круг потенциальных «претендентов» на эту «роль»? И есть ли возможность определения четких иконометрических компонентов? Анализ памятников показал, что наиболее неизменным иконометрическим компонентом является лаконичная геральдическая композиция с четко выделенной центральной осью и зеркальной симметрией, применяемой для расположения коней вокруг антропоморфного персонажа. Все остальные признаки нельзя отнести к неизменным в силу необязательного их повторения из памятника в памятник. Кроме того, такие выделенные на примере памятников вазописи черты, как специфические пропорции фигур и узкая талия, вполне вероятно следует отнести не к иконометрическим, а к стилистическим признакам, характерным для показа антропоморфных изображений в искусстве геометрики.

Крайне узкий набор неизменно повторяемых иконометрических и широкий спектр вариативных компонентов обусловлен, вероятно, рядом причин. С одной стороны, все эти образы формируются и существуют в геометрический период преимущественно в пространстве фольклорной традиции, и «фольклорная ком-

²⁶ Andreyev 2008: 59, илл. 10, 5a; Bevan 1985: pl. 38.

²⁷ Andreyev 2008: 59, илл. 10, 5b.

²⁸ Стоит обратить внимание на то, что ряд исследователей трактует изображаемый персонаж как Πότνια Ἴππιος (Blázquez Martínez 1954: 206). О проблеме идентификации мужских и женских образов в искусстве геометрики см. Langdon 1998.

²⁹ Blázquez Martínez 1954: Lám X, fig. 15. Стоит обратить внимание на то, что ряд исследователей трактует изображаемый персонаж как Πότνια Ἴππιος (Blázquez Martínez 1954: 206).

³⁰ Blázquez Martínez 1954: Lám VIII, fig. 11.

³¹ Blázquez Martínez 1954: Lám XIV, fig. 22.

муникация – это коммуникация прямая (от человека к человеку) и устная. Поэтому текст... ориентирован на слушателя и предполагает использование кода, которым владеет слушатель, – естественный язык, система поэтических стереотипов, традиционные сюжеты, традиционные обрядовые нормы и т. п.»³². С другой стороны, при всей изначально присущей фольклорной традиции метафоричности важные образы, к которым, безусловно, относятся Πότνιος/Πότνια Ἴππιος, наделены достаточно точно прописанными функциями (назначением, действием основного персонажа) и, следовательно, необходимостью трансляции этих функций.

На базе этих фактов, позволим себе предположить то, что в качестве эквивалента изображениям с антропоморфной передачей образа Πότνιος/Πότνια Ἴππιος могут выступать и такие изображения, где интересующий нас образ передан символически. Замещение фигуративного на символическое можно рассматривать как процесс редуцирования, связанный с введением в иконографию изображения идентичного/близкого по смыслу, не меняющего образное наполнение и вызывающего при восприятии те же ассоциации, что и фигуративное.

Выделим несколько вариантов подобных изображений-«заместителей»:

1) Оформление центра в виде трипода, к которому привязаны кони³³.

Трипод может изображаться с различным количеством ножек. Изображения подобных форм триподов встречаются в искусстве Древней Греции достаточно часто³⁴.

В основном, представлен этот вариант символических заместителей на аттических сосудах: ойнохойи так называемой «Concentric Circle Group» (CR. 1977.12-7.13, GR. 1920.10-14.4 и GR. 1877.12-7.12; Британский музей)³⁵; ойнохойя (около 700 г. до н. э.)³⁶; амфора (около 710–720 гг. до н. э.)³⁷; амфора (около 710–700 до н. э.; Государственные музеи, Берлин)³⁸. В связи с рассматриваемым

³² Chistov 1993: 91.

³³ О тесной взаимосвязи этого «заместителя» с фигуративным изображением Πότνιος/Πότνια Ἴππιος пишет Л. Шюфельд, анализируя вазы так называемой «Concentric Circle Group» и рассматривая человеческую фигуру в центре как иконографический вариант схемы, представленной изображением коней, фланкирующих размещенный в центре трипод (Schofield 1995: 244). Однако Л. Шюфельд связывает эту иконографию не с представлением о Πότνιος/Πότνια Ἴππιος, а со знаками победы в состязаниях, принятых в аристократических кругах (Schofield 1995: 242).

³⁴ Так, изображения триподов встречаются на монетах Великой Греции и Сицилии (Perrot 1911: 155, pic. IX (5,6), на ножках подобных бронзовых триподов (например, бронзовый трипод из Олимпии из собрания Немецкого археологического института в Афинах (Hanfmann 1957: 27, fig. 3)), на обломках крыши глиняной модели храма позднегеометрического периода из Хелика (Ахайя) (Gadolou 2011: 249, fig.2).

³⁵ Schofield 1995: 244, Fig. 4–6. См. Conze 1870: Taf. V, 4; Moore 2004: 44, fig. 15.

³⁶ Moore 2004: 43, fig. 13.

³⁷ Moore 2004: 38, fig. 5. Местонахождение неизвестно.

³⁸ Moore 2004: 44, fig. 16.

мым вариантом отметим фрагмент сосуда, найденного при раскопках храма Артемиды на о-ве Делос³⁹, и еще одну ойнохойю, упоминаемую А. Конце⁴⁰.

2) Оформление центра в виде кормушки⁴¹.

При подобном оформлении центра лошади могут быть изображены как привязанными к кормушке, так и не привязанными. Выделенный вариант оформления центра представлен как на аттических сосудах – канфар (750–735 гг. до н. э., Музей университета, Тюбинген)⁴²; амфора, приписываемая Мастеру Hirschfeld Workshop (около 750–735 в. до н. э.; Государственные античные собрания, Мюнхен)⁴³, так и на аргосских – кратер, на обеих сторонах которого изображена данная схема⁴⁴, и амфора (около 700 г. до н. э., Национальный Археологический музей, Афины)⁴⁵.

3) Оформление центра в виде дерева/растения.

Подобную схему можно рассматривать на таких примерах, как изображение коней, фланкирующих Древо жизни (?) на эвбейской гидрии позднегеометрического периода (Халкида, музей)⁴⁶, на сосуде мастера Кеснола из Куриона (Метрополитен музей)⁴⁷, на кратере с Афинской агоры, датируемом концом позднегеометрического периода (Американская школа классических исследований, Афины)⁴⁸ и многих других.

Этот вариант оформления центра, не отличающийся четко «проговоренными» компонентами, привлекает мотивы, широко распространенные по всей Эгеиде⁴⁹. Так, Дж. Колдстрэм связывает применение мотива Древа жизни с влиянием восточных традиций⁵⁰.

Подводя промежуточные итоги, отметим следующее:

³⁹ Coldstream 1971: 3, fig. 1 (c).

⁴⁰ Conze 1870: Taf. IV.

⁴¹ Подобное название предмета, оформляющего центр в данной группе, приводит Т. Ромбос (Rombos 1995: 235). Также см.: Moore 2004.

⁴² Moore 2004: 44, fig. 17.

⁴³ Moore 2004: 45, fig. 18.

⁴⁴ Rombos 1995: 236, fig. 1–2.

⁴⁵ Moore 2004: 43, fig. 12.

⁴⁶ Coldstream 1977: 193, fig. 61 (b)

⁴⁷ Coldstream 1977: 144, fig. 61 (d); Boardman 2001: 27, № 25; Moore 2004: 43, fig. 14.

⁴⁸ Langdon 1989: 190, fig. 6.

⁴⁹ Подобные схемы, связанные с трансляцией данного иконографического типа (Древо Жизни, фланкируемое животными), будут представлены в различных массовых видах искусства. Например, в глиптике (см. печать с Мелоса с изображением парнокопытного и грифона, фланкирующих Древо жизни (700–675 гг. до н. э., из Оксфорда) (Coldstream 1977: 211, fig. 68 (c)), в керамике (фрагмент эвбейской керамики позднегеометрического периода из Питекуссы) и др. О возможностях отождествления в сакральных сценах человека и дерева см.: Toporov 1974: 65.

⁵⁰ Coldstream 1977: 199.

1) наибольшее «скопление» памятников, в которых представлена рассматриваемая иконография (человеческая фигура, держащая фланкирующих ее коней за поводья), сосредоточено в вазописи Аттики и Аргоса в пределах VIII в. до н. э.⁵¹ При этом главным образом используется образ Πότνιος Ἴπλιος;

2) помимо основной иконографии, выделяются варианты, связанные с оформлением центра композиции в виде символов Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος (изображений-«заместителей»). Наиболее ранними символами становятся схематические изображения триподов и кормушек. Как и в случае с фигуративными изображениями, памятники преимущественно происходят из Аттики и Аргоса и также концентрируются в границах VIII в. до н. э. Важно отметить и то, что замещение фигуративного изображения изображением кормушки встречается как в аттических, так и аргосских сосудах, тогда как изображение трипода отмечено преимущественно на аттических памятниках;

3) в отличие от вазописи, для памятников мелкой пластики нет возможности выявить наличие четко повторяющихся иконографических типов. В ряде случаев памятники мелкой пластики, возможно, «следуют» за той иконографией, которая будет активно функционировать в вазописи, при этом повторяются не только иконографические типы, но и стилистические решения, рожденные в «пространстве» вазописи. Вполне вероятно, что те произведения мелкой пластики, которые дошли до нас, сознательно сохраняли некие, уже ставшие шаблонными, прототипы⁵², иконографическое решение которых предполагало различные варианты.

Следовательно, все сказанное позволяет отнести образ Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος к достаточно популярным в определенных центрах в рамках VIII – начала VI вв. до н. э. Эти центры вполне могли быть своеобразными «хранителями» иконографической традиции, оберегающими шаблон, благодаря которым данный иконографический тип был возобновляем.

Полностью или частично выделенная иконографическая схема образа Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος отмечена также в памятниках, происходящих с территорий культур, напрямую или опосредованно связанных с Древней Гре-

⁵¹ Как отмечает С. Лэнгдон, мастера Аргolidы сделали образ Πότνιος Ἴπλιος важным для своей художественной традиции и подходящим для оформления кратеров (Langdon 2010: 9).

⁵² Как отмечает Ю.В. Андреев, «...выполненные из свинца изображения (к которым относится и группа вотивов с образом Πότνια Ἴπλιος. – С. 3.) отличаются удивительной стабильностью основных форм и типов. Все они при всем их примитивизме и крайнем несовершенстве технических приемов... явно подчинены устойчивому художественному стандарту, который с определенными оговорками может быть назван каноном» (Andreyev 2008: 58–60).

цией. Это этрусские памятники: изображения на ручке бронзовой гидрии из Трейи⁵³ (565–550 гг. до н. э.; Пезаро, Музей Оливериано)⁵⁴, на ручках бронзовых котлов, происходящих из Бельмонте-Пичено (Национальный археологический музей, Анкона)⁵⁵, из Фолиньо (Государственные музеи. Античное собрание, Берлин)⁵⁶ и из собрания Национального музея Вилла Джулия (Рим)⁵⁷. То же в иберийской культуре: изображения на мраморных рельефах (Музей Сагунто⁵⁸ и музей истории Валенсии)⁵⁹; на известняковом рельефе из Хаэна (Музей Хаэна⁶⁰); на рельефе из иберийского некрополя в Балонесе (Археологический музей, Алькой⁶¹); на фрагменте рельефа из Каравака-де-ля-Крус⁶²; на серебряной фибуле из Чиклана-де-Сегура (музей Хаэна⁶³) на рельефе с изображением Πότνια Ἰπλιος (? Эпона?) (Археологический музей, Мурсия⁶⁴).

Анализ образа Πότνιος/Πότνια Ἰπλιος затруднен тем, что достаточно часто он пересекается с образом Πότνιος/Πότνια Θηρῶν. Возникает вопрос, правомерно ли выделение образа Πότνιος/Πότνια Ἰπλιος в качестве самостоятельного, либо он являет собой лишь вариацию на тему Πότνιος/Πότνια Θηρῶν⁶⁵. Связано ли приоритетное применение этого образа с определенным периодом и определенной культурой? Существует также и проблема взаимодействия заимствованной иконографической схемы с местным содержанием при использовании данного образа в художественных культурах Древнего мира.

Πότνιος/Πότνια θηρῶν («Владыка/Владычица зверей») является одним из популярных в художественных культурах Древнего мира⁶⁶. Проследить где и когда рождается анализируемый образ невозможно, ибо данный вариант, как полагает ряд исследователей, относится к универсалиям, слагаясь еще, веро-

⁵³ При этом важно отметить, что данный памятник исследователи связывают либо со сделанными в Лаконии, либо с группой так называемых «лаконизирующих» ваз, основным центром производства которых был Тарент (см.: Andreyev 2008: 209–215).

⁵⁴ Andreyev 2008: 213, илл. 80, 2.

⁵⁵ Blázquez Martínez 1954: Lám X, fig. 16.

⁵⁶ Blázquez Martínez 1954: Lám XII, fig. 18; Sher 1993: таб. 1, 9.

⁵⁷ Blázquez Martínez 1954: Lám VII, fig. 11.

⁵⁸ Blázquez Martínez 1954: Lám I, fig. 2; Eiroa 1988: fig 2, 2.

⁵⁹ Blázquez Martínez 1954: Lám I, fig. 1; Eiroa 1988: fig 2, 1.

⁶⁰ Blázquez Martínez 1954: Lám II, fig. 3; Eiroa 1988: fig 2, 3.

⁶¹ Blázquez Martínez 1954: Lám II, fig. 4; Eiroa 1988: fig 2, 4.

⁶² Eiroa 1988: fig 2, 9.

⁶³ Molina, Revuelta 2000: 56, fig. 5, 2a.

⁶⁴ Blázquez Martínez 1954: Lám XIII, Fig. 19, 20; Eiroa 1988: fig. 2, 6.

⁶⁵ На эту проблему также обращает внимание С. Лэнгдон (см.: Langdon 2010: 9–11).

⁶⁶ Само название Πότνια θηρῶν впервые зафиксировано у Гомера: «...Тут Аполлона сестра, Артемида, зверей господня» (II. 21,470).

ятно, на достаточно ранних стадиях развития художественной культуры. По мнению Я.А. Шера, «Potnia Theron – очень ранний мифологический персонаж, восходящий к эпохе праиндоевропейского единства, если не к еще более древней – ностратической»⁶⁷. М.Л. Нош полагает, что в бронзовом веке иконография Πότνια θηρών уже присутствует со всеми своими элементами⁶⁸. На присутствие специфических черт Πότνια θηρών в искусстве позднеминойского периода обращает внимание также и Ю.В. Андреев⁶⁹. А.И. Зайцев, анализируя антропоморфные изображения божества в минойской культуре, так описывает один из типов, называемый им владыка или владычица зверей (Πότνιος или Πότνια θηρών): «... мужская или чаще женская фигура помещается между двух животных, чаще всего львов, нередко грифов, сфинксов или других фантастических животных. Руки божества обычно лежат на головах животных, которые изображены в позах зависимости, поклонения»⁷⁰.

Выделим те иконометрические черты, которые будут слагать иконографический тип Πότνια θηρών, популярный в изобразительных памятниках начала – второй половины I тыс. до н. э. Для этого типа характерно применение приема зеркальной симметрии, объединение персонажей в геральдическую композицию, где центральный персонаж на вытянутых напряженных руках держит либо за задние лапы свисающих мордой вниз зверей, либо за шеи птиц (чаще всего водоплавающих)⁷¹; наличие крыльев у Πότνια θηρών, богато украшенного платья, иногда – головного убора. Как достаточно малочисленный по набору памятников вариант наблюдаются и изображения Πότνιος θηρών.

Анализ образа Πότνια/Πότνιος θηρών позволяет сделать вывод о том, что самая яркая «серия» достаточно близких (а порой и однотипных) памятников, происходящих с территории Эгеиды, датируется VII в. до н. э. – серединой VI в. до н. э.⁷² Этот временной промежуток отмечен не только репрезентативным количеством памятников, но и использованием при их создании различ-

⁶⁷ Sher 1993: 21.

⁶⁸ Nosch 2009: 34.

⁶⁹ Андреев 2002: 299.

⁷⁰ Zaytsev 2005: 54.

⁷¹ Как еще один вариант также популярна схема, составленная из стоящей в центре Πότνια θηρών, фланкированной привставшими на задние лапы животными.

⁷² Важно отметить, что при этом основной массив памятников приходится на VII в. до н. э.

ных металлов и сплавов⁷³, керамики⁷⁴, слоновой кости⁷⁵. Популярен. этот сюжет был в вазописи⁷⁶, в оформлении рельефных сосудов⁷⁷. Приведенные примеры представлены памятниками мобильного искусства, которое легко преодолевало границы, позволяло этому сюжету стать действительно «сквозным», распространяясь сквозь пространство культур⁷⁸ и время⁷⁹.

Образ Πότνιος Ἴπλιος⁸⁰ также фиксируется не только в памятниках древнегреческой вазописи⁸¹. Памятники с образом Πότνιος Ἴπλιος проис-

⁷³ Золотая подвеска с о-ва Родос (650–600 гг. до н. э.) из Художественного музея Кливленда; деталь электрической пекторали (ок. 630–620 гг. до н. э.) из собрания Лувра и электрическая пластинка (640–630 гг. до н. э.) из собрания музея изящных искусств в Бостоне, происходящие из некрополя Камирос (о-в Родос); деталь бронзовой обшивки (ок. 600 г. до н. э.), возможно, работы мастерских о-ва Самос из собрания Национального Археологического музея в Афинах; ушные подвески (ок. 600 г. до н. э.) с о-ва Родос или из Синдоса (Македония) и др. См. также аналогии, используемые В.А. Киселем при анализе изображения на Келермесском зеркале (Kisel' 2003: 169–171, рис. 88–92).

⁷⁴ Например, керамический антефикс с фасада храма В из Museo della Civitella в г. Кьети; терракотовая пластина, происходящая из Локры или Таранто из собрания Лувра и др.

⁷⁵ Прежде всего, вотивные предметы, происходящие из святилища Артемиды Орфии в Спарте из собрания Национального Археологического музея в Афинах (см. подробнее: Andreyev 2008: 66–76); основной корпус памятников датируется третьей четвертью VII в. до н. э. (Andreyev 2008: 72). По мнению Ю.В. Андреева, при различных манерах и уровнях исполнения этих произведений «...все они явно ориентируются на какие-то общие каноны, скорее всего, восточного происхождения (Andreyev 2008: 75).

⁷⁶ Амфора из Беотии (ок. 680 г. до н. э.) из собрания Национального Археологического музея в Афинах; алабастр ок. 600 г. до н. э. из Национального музея в Варшаве и чрезвычайно близкие ему коринфские алабастры конца VII в. до н. э. из Археологического музея на о-ве Делос.

⁷⁷ Пифос, найденный в Фивах (ок. 625–600 гг. до н. э.), возможно, производства мастерских с Наксоса, из собрания Национального Археологического музея в Афинах; рельефная ваза с Крита середины VII в. до н. э. из собрания Музея Израиля в Иерусалиме.

⁷⁸ В качестве примеров вспомним этрусскую золотую шпильку с изображением Πότνιος Ἰπρίων из коллекции маркиза Кампана (около 630 г. до н. э.) из собрания Лувра и серебряный сосуд № 158 из Рогозенского клада (вторая пол. IV в. до н. э.) из собрания Городского исторического музея г. Врацы (Marazov 1996: 145–159).

⁷⁹ Вспоминается изображение Πότνιος Ἰπρίων на ручках чернофигурного кратера, так называемая «Ваза Франсуа» (около 570–560 гг. до н. э.) работы вазописца Клития из собрания Археологического музея (Флоренция).

⁸⁰ Первым обратил мое внимание на эту близость Я.А. Шер. Важно отметить, что образ фиксируется в ранних памятниках преимущественно именно как Πότνιος, а не Πότνιος Ἴπλιος.

⁸¹ Так В.Б. Ковалевская относит изображение человека, стоящего между двумя конями (в этом контексте важна близость изобразительной темы, а не прямое обращение к образу Πότνιος Ἴπλιος), к середине III тыс. до н. э. (Kovalevskaia 2016: 117).

ходят с различных территорий: петроглифы на горе Оглахты I (Енисей)⁸², Жалтырак-Таш (Таласская долина)⁸³, Кестелетас (Карагандинская область)⁸⁴, Койбагар (ущелья Каратау, Казахстан)⁸⁵, Ешкиольмес (Алматинская обл.)⁸⁶, Ой-Джайляу (Джамбульская обл., Казахстан)⁸⁷. Важным в связи с рассматриваемым образом представляется замечание, высказанное О.С. Советовой о том, что «антропоморфную фигуру “владыки зверей”⁸⁸ = “господина коней” нередко “вписывали” и в более ранние композиции, кардинально меняя первоначальный смысл древних наскальных сцен»⁸⁹. Близки к выделенной схеме и изображения мужской фигуры с одним конем на памятниках как территориально близких (Оглахты Абрашкин Лог⁹⁰ и Оглахты⁹¹ (Хакасия) и соседний Тепсей II⁹², Куныя (Средний Енисей)⁹³, так и отдаленных друг от друга на существенные расстояния (Баянлиг хад в Монголии⁹⁴; Сармишсай в Узбекистане⁹⁵). Известно также подобное изображение на кратере XIII в. до н. э.⁹⁶, происходящем из «Малого дворца» в Угарите (собрание Института искусств Курто)⁹⁷.

Как видно из анализа приведенных выше памятников, большинство иконометрических компонентов, связанных с $\text{Πότνιος}/\text{Πότνια } \theta\eta\rho\omega\nu$, совпадают с компонентами, выделенными для образа $\text{Πότνιος}/\text{Πότνια } \text{Ἴππιος}$. Так, по мнению Я.А. Шера, «...можно сказать, что в общем потоке расселения индоевропейских

⁸² Sher 1993: 18, таб. I, 1.

⁸³ Sher 1993: 19, таб. II, 1.

⁸⁴ Bedel'bayeva, Novozhënov, Novozhënova 2015: 96, таб. 42.

⁸⁵ Sovetova 2011: 181, рис. XIV, 12.

⁸⁶ Sovetova 2011: 181, рис. XIV, 17.

⁸⁷ Sovetova 2011: 181, рис. XIV, 16.

⁸⁸ В петроглифах Средней Азии, Казахстана и Алтая встречаются и образы $\text{Πότνιος } \theta\eta\rho\omega\nu$: Сагыр 2 (Казахстан), Сармишсай (Узбекистан), Хар-Салаа и Цаган-Салаа (Монгольский Алтай) (Советова 2011: 167, рис. IV, 2; 181, рис. XII, 3, 4, 13). В июле 2017 года на Усть-Тубе было обнаружено подобное изображение (благодарю за устное сообщение о находке О.С. Советову).

⁸⁹ Sovetova 2011: 179. В качестве примера О.С. Советова приводит следующие изображения: «на одной из плоскостей горы Суханихи на Среднем Енисее хорошо узнаваемые тагарские человечки “вписаны” между парами лосей из более ранней сцены так называемого Большого фриза; аналогичная ситуация зафиксирована на памятнике Оглахты...» (Sovetova 2011: 179).

⁹⁰ Miklashevich 2016: 272.

⁹¹ Sovetova 2012: 100, рис. XIII, 2.

⁹² Sovetova 2012: 100, рис. XIII, 1, 3.

⁹³ Sovetova 2011: 181, рис. XIV, 2.

⁹⁴ Sovetova 2012: 100, рис. XIII, 8.

⁹⁵ Sovetova 2012: 100, рис. XIII, 9.

⁹⁶ Langdon 1989: 187.

⁹⁷ Langdon 1989: 188, fig. 3–4; Sher 1993: 18, таб. I, 2–4.

племен по степной Евразии эта мифологема (Πότνια θηρῶν. – С. 3.) уносилась все дальше от места своего появления. По мере удаления, вероятно, происходили некоторые трансформации главного персонажа, его функций и атрибутов. Например, женский образ мог превратиться в мужской или в столб-коновязь; стоящие по бокам быки могли со временем заместиться лошадьми...»⁹⁸.

На разных территориях (от Великой Степи до Эгеиды) во II – в начале I тыс. до н. э. наблюдается существование близких, если не идентичных, иконографических типов Πότνια/Πότνιος θηρῶν и Πότνιος/Πότνια Ἴππιος. Важно отметить, что близость будет обоснована не только формальными качествами, но прежде всего, содержательными. В качестве рабочей гипотезы позволим себе допустить, что приоритетное использование того или иного образа будет зависеть от типа культуры, применяющей конкретный образ: Πότνιος/Πότνια Ἴππιος будет более близок кочевым культурам, тогда как Πότνια/Πότνιος θηρῶν будет больше связана с оседлыми.

В искусстве Древней Греции VIII–VI вв. до н. э. мы наблюдаем присутствие как Πότνιος/Πότνια Ἴππιος, так и Πότνιος/Πότνια θηρῶν. Попытаемся проанализировать, как будут взаимодействовать эти образы. Будет ли идти речь о заимствовании одним образом иконометрических параметров, разработанных для образа другого? И при изображении какого образа (Πότνιος/Πότνια θηρῶν или Πότνιος/Πότνια Ἴππιος) выделенные параметры появляются раньше, и тогда какой образ заимствует уже существующий иконографический тип? Или же мы имеем дело не только с близкими иконографическими типами, а и с типами, существующими как равнозначные и взаимозамещаемые?

Пытаясь ответить на означенные выше вопросы, приведем еще ряд памятников, связанных непосредственно с выбранным для анализа образом.

1) Памятники, использующие для показа Πότνιος/Πότνια θηρῶν вариант иконографического типа, предусмотренный, чаще всего, для передачи образа Πότνιος/Πότνια Ἴππιος.

Таких образцов немного. Например, фрагмент рельефного сосуда с о-ва Тенос (Киклады) из Мюнхена (700 г. до н. э.)⁹⁹ с изображением Πότνιος θηρῶν, выполненного по тому же иконографическому типу, что и Πότνιος Ἴππιος¹⁰⁰: бескрылая мужская фигура с подчеркнутыми утолщениями икроножных мышц и поднятыми вверх руками, держащими за рога животных; а также деталь бронзового рельефа (750–680 гг. до н. э.) с изображением Πότνιος θηρῶν из Кавуси (Крит)¹⁰¹.

⁹⁸ Sher 1993: 21.

⁹⁹ Coldstream 1977: 213.

¹⁰⁰ Coldstream 1977: 208, fig. 67 (c).

¹⁰¹ Coldstream 1977: 286, fig. 92 (a).

2) Памятники, использующие для показа Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος вариант иконографического типа, предусмотренный, чаще всего, для передачи образа Πότνιος/Πότνια θηρῶν.

К подобным вариантам изображений относится рельефное изображение из храма В в Принии Πότνια θηρῶν с конями¹⁰², в центре которого женская крылатая фигура в длинном платье, фланкированная вставшими на задние копыта конями. Близкое изображение представлено на бронзовой пластине (первая четверть VII в. до н. э.) из Лато (Крит).¹⁰³

3) Памятники, в которых в одном изобразительном пространстве сочетаются два образа: Πότνιος/Πότνια θηρῶν и Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος (последний, чаще всего, представлен в редуцированном варианте).

К этой группе произведений относятся берлинский ларнак из Фив(?) с изображением Πότνια θηρῶν в классической иконографии, дополненной фигурой привязанного коня¹⁰⁴, и близкая по композиции деталь бронзовой фибулы из Тегеи¹⁰⁵. Стоит упомянуть и деталь берлинского саркофага из Клазомен, в центре которого изображение Πότνια θηρῶν, фланкированное женщинами (?)/мужчинами (?) на колесницах¹⁰⁶.

Приведенные примеры показывают, что ближе к концу VIII – началу VII вв. до н. э. наблюдаются попытки как совместить отдельные иконометрические компоненты, связанные с образами Πότνιος/Πότνια θηρῶν и Πότνιος/Πότνια Ἴπλιος, так и соединить их в одном изобразительном пространстве.

Итак, как только в древнегреческом искусстве появляются сюжетные композиции (начало – середина VIII в. до н. э.), наряду с такими популярными сюжетами как похороны героя, состязания на колесницах, фиксируется и сюжет, интересующий нас, – Πότνιος Ἴπλιος¹⁰⁷. При этом важно отметить, что он фиксируется и в определенных центрах (Аттика, Арголида), напоминая/повторяя (?) иконографическую схему, отмеченную в петроглифах Средней Азии, Сибири, Казахстана и Алтая¹⁰⁸.

¹⁰² Blázquez Martínez 1954: Láms XV, fig. 24.

¹⁰³ Blázquez Martínez 1954: Láms VIII, fig. 10.

¹⁰⁴ Walters 1905: 289, fig. 86.

¹⁰⁵ Coldstream 1977: 157, fig. 51 (b).

¹⁰⁶ Hoeser 1909: 20, pic. 7; Perrot 1911: 265, pic. 122. Интересно отметить, что у Πότνια θηρῶν и у возникших одинаковые головные уборы – шапочка с кисточкой.

¹⁰⁷ Важно отметить, что Дж. Картер, описывая первые нарративные сцены в греческом искусстве периода геометрики и отмечая влияние различных художественных традиций, полагает, что позднегеометрическое искусство Аттики нельзя воспринимать как содержащее ориентализующие черты (Carter 1972: 40).

¹⁰⁸ На близость иконографических схем, присутствующих в петроглифах и древнегреческой вазописи, первым обратил внимание Я.А. Шер (см. Sher 1993).